

УДК 323.232

КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна –

д. филос. н., профессор; заведующий кафедрой политологии и социологии Московского педагогического государственного университета

115172, Россия, г. Москва, Новоспасский пер., 3, к. 3

karadzhe@yandex.ru

ЭТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

THE ETHICS OF POLITICAL INSTITUTIONS AS A COMPONENT OF POLITICAL ETHICS

В статье рассматриваются проблемы определения предметного поля политической этики, ее направлений, в т. ч. этики политических институтов. Анализируются особенности политического пространства и политической деятельности, обуславливающие специфику политической этики. Отмечается, что политическая сфера – это особое конфликтогенное пространство, пространство столкновения интересов, опосредованное властными отношениями и обладающее свойством амбивалентности. Амбивалентность политического определяет границы применения морали и нравственную оценку действий политических субъектов. Политическое – это пространство ярко проявленного противостояния «свой – чужой», где на политически «чужого»/«врага» не распространяются нравственные императивы, регулирующие отношения внутри «своей» группы.

Предпринята попытка определить содержание, структуру и функции этики института как механизма контроля и регуляции, детерминирующего нравственные основания деятельности политических институтов. Этика парламентаризма, этика института президентства, этика института губернаторства рассматриваются как составляющие этики политических институтов.

Ключевые слова: политическая этика, мораль, система нравственных ценностей, политика, этика института, должностная этика, этика сопротивления и гражданского неповиновения

The article considers the problem of determining the subject fields of political ethics, its directions, including the ethics of political institutions. The author analyses the peculiarities of the political space and political activities, contributing to the specifics of political ethics. It is noted that the political sphere is a space of conflict of interests, that mediate an authority relationship and has the property of ambivalence. Ambivalence of the phenomenon of the political defines the scope of application of morality and moral estimation to the actions of political actors. The political space brightly manifested the confrontation between the «close persons» and the «aliens», where the political «alien» or «enemy» does not identified in the moral imperatives of the group.

The author tries to determine the content, structure and functions of institute's ethics as a mechanism of control and regulation of determination of moral basis for activity of political institutions. The ethics of the parliament, president and the government institutes were considered as components of the ethics of political institutions.

Keywords: political ethics, morals, system of moral values, policy, institute's ethics, professional ethics, ethics of resistance and civil disobedience

Проблемы политической этики активно и эмоционально обсуждаются как учеными, политиками, журналистами, так и рядовыми гражданами. Тем не менее вопросов, связанных с определением предметного поля политической этики, гораздо больше, чем ответов.

В современной политической науке представлено несколько подходов к исследованию данного феномена, согласно которым:

– содержание политической этики составляет оценочная деятельность традиционной этики применительно к политической сфере; политическая этика выступает как внешний нравственный регулятор политических действий и отношений и исходит из принципов неизменности категорических императивов;

– политическая этика сводится к морали политика; задачей политической этики становится формирование и

оценка нравственного аспекта поведения политического субъекта;

– политическая этика рассматривается как профессиональная этика, наряду с этикой врача, юриста, военного и т.д.

Однако представленные подходы оказались малопродуктивными для исследования проблемы нравственности в политической сфере. Оценка нравственного аспекта деятельности политических субъектов зачастую убеждает нас в несовместимости моральных норм и политики. Результатом является вывод: политическое пространство и действующие политические субъекты вообще лежат вне регуляции нравственных норм. Данный вывод постоянно воспроизводится в тезисах о несовместимости морали и политики, о политике как о «грязном деле», закрепляя на уровне массового сознания убеждение в том, что политика не подлежит нравственной оценке и регуляции со стороны общества.

Правомерен ли этот вывод? Представляется, что причина такого вывода, прежде всего, в том, что не учитывается сложность и неоднозначность такой деятельности, как политика. Б. Капустин отмечал, что «заведомая провальность проектов морального наставничества власть имущих обусловлена тем, что к сферам профессиональных или классовых действий, руководимых соответствующими видами частной этики, пытались применить “общечеловеческую мораль”. В этих сферах она каждый раз наталкивалась на специфические ценности и символические коды и против них обнаруживала свое бессилие» [Капустин 2004: 147].

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, вкратце рассмотрим особенности и функции собственно этики и область ее применения – сферу политики. Итак, объектом исследования этики является мораль с ее нормами, принципами, регулируемыми поведением и сознание человека во всех сферах общественной жизни. Особенность морали в том, что ее требования имеют относительно устойчивый характер, принимают форму безличностного должностного, равно обращенного ко всем.

Теперь рассмотрим политическое как сферу применения норм морали. Важно

отметить, что политическая сфера отличается от других сфер жизнедеятельности общественной системы, прежде всего, тем, что это особое конфликтогенное пространство, пространство столкновения интересов, которые делят мир на «своих – чужих», «друзей – врагов», «союзников – соперников». Специфика этой области заключается также в том, что она опосредована властными отношениями, определяющими принципы взаимодействия ее субъектов как внутри этой сферы, так и с другими сферами жизнедеятельности общества и обладает свойством амбивалентности.

Именно амбивалентность обуславливает границы применения моральных норм и критерии нравственной оценки. В отличие от других сфер жизнедеятельности общественной системы, где принципы морали носят всеобщий императивный характер, независимо и в равной степени распространяясь на всех, в политическом поле нравственная оценка одних и тех же действий и поступков будет различной. Политическое – это пространство противостояния «своих – чужих», и на политически «чужого»/«врага» не распространяются те нравственные императивы, которые регулируют отношения внутри «своей» группы. «Чужой» исключен из пространства морали, в зависимости от накала политической борьбы к нему могут применяться все виды насилия вплоть до уничтожения – *in hostem omnia licita* (лат. – по отношению к врагу все дозволено). Принадлежность к «своим» или «чужим» определяет и нравственную оценку действий субъектов, примером чего может служить оценка деятельности разведчика как «своего» и шпиона как «чужого».

Столкновение интересов происходит на всех уровнях политического пространства: межличностном, межгрупповом, межпартийном, государственном. Кроме горизонтальных уровней и связей действуют и вертикальные отношения и связи: государства и общества; государства и партий; партии и лидера; лидера и электората. Как оцениваются действия участников политического процесса, обусловлено их принадлежностью к той или иной группе. Политику обвиняют в «двойных стандартах», что вполне логично. Действия, направленные на

защиту интересов «своих», вызывают одобрение, но т.к. это происходит за счет ущемления интересов «чужих», то у них те же действия вызывают негативную оценку. Поэтому вполне закономерно, что одни и те же действия и поступки с нравственных позиций будут оцениваться различно.

Что оценивается, регулируется и контролируется нравственными нормами? Согласно распространенному подходу в политической науке, нравственному измерению подлежат все три измерения политики: политический процесс (*politics*); политический порядок, основные нормы, институты (*polity*); политические цели и программы (*policy*) [Политическая и экономическая этика 2001: 48].

В то же время, хотя сущностной характеристикой политического является разделение на «своих — чужих» и выстраивание асимметричных взаимоотношений «господства — подчинения», нельзя забывать о том, что это всего лишь диалектическое проявление одной из противоположностей, продуцирующей конфликтогенную составляющую политической сферы. Другая противоположность, напротив, имеет своим основанием и своей целью всеобщую взаимосвязь социальных групп, институтов, различных сфер деятельности людей, обеспечение единства разделенного на разнородные группы, слои, классы общества. В этом контексте говорят об интегрирующей роли политической этики.

Во главу системы ценностей политической этики выдвигается справедливость. Справедливость является не только принципом регуляции социально-политических взаимоотношений, но и их интегрирующим основанием. По мнению Э. Дюркгейма, отсутствие в обществе общих представлений о справедливости приводит к возникновению аномии, а отсутствие или недостаточный уровень справедливости обостряет межгрупповую борьбу за ресурсы [Дюркгейм 1990: 192]. Согласно математической теории лауреата Нобелевской премии Дж. Нэша, справедливость обеспечивает устойчивость социального поведения агентов: чем больше они воспринимают отношения в обществе как справедливые, тем более благоприят-

ного результата, вероятнее всего, достигнут [Nash 1951: 54]. Поэтому очевидно, что справедливость как нравственное измерение политического является наиболее обсуждаемой и значимой проблемой политической этики.

Правомерность этих выводов подтверждается политической практикой современной России. Как свидетельствуют данные социологических опросов ВЦИОМа, более 80% граждан Российской Федерации озабочены проблемами справедливости. По степени обеспокоенности эта проблема занимает второе место после проблемы преступности и собственной безопасности. Действия властных структур и политиков, оцениваемые населением как несправедливые, а значит безнравственные, вызывают рост криминогенности, социальную разобщенность, взаимное недоверие и безразличие ко всему, что не является пространством личных интересов.

Как уже отмечалось, действия и отношения в политической сфере подвержены оценке с позиций различных интересов, что приводит к еще большему конфликту и противостоянию, нивелируя полностью значение морали. Но политика без морали, по крайней мере без ее моральной поддержки и одобрения, не может быть легитимна, поэтому ее цель — не только защитить интересы собственной группы, но и представить эти действия как нравственно обоснованные. Действия политических субъектов должны быть «нравственно привлекательны» для более широкой политической аудитории, поэтому, как правило, они представляются интересами более высокого уровня. Не случайно в современных экспансионистских документах используются слова «помощь», «освобождение», «защита». Выступая за реализацию интересов «своей» группы, политические субъекты, как правило, представляют их как общечеловеческие интересы.

Общественное мнение дает оценку государственной политики на основании оценки деятельности конкретных политиков. Однако как политика в целом, так и деятельность отдельного политика может быть обусловлена различными интересами. Интересы могут носить государственный, узкогруппо-

вой или личный характер, и далеко не всегда они совпадают. Поэтому проблема выбора приоритета интересов для конкретного политика и в конкретной ситуации всегда остается актуальной. Выбор часто носит ситуативный характер и зависит от личных предпочтений политика. Надеяться на то, что, обладая властью, он будет использовать ее только в интересах общества, не имеет смысла. Но любой выбор политика, в конечном счете, затрагивает интересы если не всех, то большей части общества и перестает быть только частной сферой профессиональных политиков. Единственным средством оградить общество от произвола является ограничение полномочий и привилегий политика конституционным путем. Данный принцип был положен в основу деятельности правительства Дж. Вашингтона, говорившего: «Очень немногие способны долгое время приносить в жертву личные интересы ради общего блага. В этом смысле не следует обвинять человеческую природу в развращенности. Во все времена люди руководствовались, прежде всего, своими интересами. Ни одно общество не будет прочным и процветающим, если не будет учитывать этого факта»¹. Поэтому задача состоит не в создании утопических проектов по воспитанию нравственных политиков, а в создании условий, заставляющих их действовать в соответствии с целями институтов, которые они представляют.

По мнению немецкого исследователя Б. Сутора, политические действия, если они имеют своим предметом регулирование отношений в обществе, являются посредническими действиями институтов и должны регулироваться этикой институтов [Политическая и экономическая этика 2001: 68]. В современной Германии активно развивается такое направление, как этика политических институтов. Задача политической этики – снизить значимость субъективного фактора, каковыми являются уровень нравственного воспитания, личные предпочтения и интересы политика.

Институты представляют собой нечто большее, чем отдельные нормы (конвенции, законы), – они являются культурно-социальными структурами,

имеющими целью длительно регулировать и нормировать определенные социальные и политические отношения, повторяющиеся в качестве основных процессов социальной жизни и требующие определенной стабилизации (институт брака и семьи, институт школы, институт партии). Институты выдвигают нормативные требования по отношению к отдельным лицам и группам, представляющим этот институт, устанавливают ориентацию действий и тем самым ограничивают индивидуальную свободу. Именно этика институтов позволит обрести рычаги контроля над поведением политиков, поступки которых не всегда подлежат правовой оценке, но могут регулироваться принципами этики политических институтов.

Институты не могут заменить индивидуальную мораль, но могут компенсировать дефицит морали, который является следствием изменения личностных установок политика, неизбежно появляющегося в процессе политической деятельности. Задача институтов – улавливать и регулировать неправильное моральное поведение. Однако о моральной стороне деятельности можно будет говорить тогда, когда будет объективное представление о той специфической зоне, в которой действует и принимает решения политик. Более того, политики различаются стоящими перед ними задачами, степенью ответственности за решение этих задач, уровнем профессионализма и нравственной оценкой своих действий, что усиливает необходимость регуляции деятельности политика этикой политических институтов.

В современном российском обществе разработка этики институтов имеет особый смысл. Глубочайший социальный раскол, усиливающиеся этнические и конфессиональные конфликты, неравномерность развития регионов страны – все это продуцирует напряженность, конфликтность и агрессивность, которые ярко проявляются и в культуре российских политиков. Общество особенно болезненно воспринимает нарушение этических норм чиновниками и политиками, девальвирующее значимость самих государственных и политических институтов.

Социологи отмечают растущее недо-

¹ <http://www.grinchevskiy.ru/17-18/>

вольство общества деятельностью Государственной думы. Так, согласно проводимым Левада-Центром исследованиям от 18 ноября 2013 г. только 16% опрошенных ответили, что положительно оценивают деятельность Госдумы в течение последних 2 лет, недовольных гораздо больше — 56%¹. А исследования ВЦИОМа показали, что словосочетание «депутат Государственной думы» вызывает у респондентов негативные ассоциации («взяточник» — 20%, «жажда наживы» — 9%), негативные эмоции — 11%; нейтральные ассоциации («представитель власти» — 11%, «принятие законов» — 5%, «госслужащий» — 4%, «избранник народа» — 4%, «депутатская неприкосновенность, привилегии» — 2%); реже — позитивные представления о депутатах («защитник интересов народа» — 5%, «умный, образованный, вызывающий симпатию» — 2%). Представления о типичном депутате нынешней Государственной думы противоречивы: с одной стороны, образованный — 57%, хороший оратор — 56%, профессионал — 42%, обаятельный — 38%. С другой — преследующий собственные интересы — 60%, оторванный от народа — 57%, нечестный — 53%, беспринципный — 45%, безответственный — 42%². Сложился в целом негативный образ нынешнего депутатского корпуса, и этот образ переносится на идею и институт парламентаризма в целом.

Поведение политика должно определяться не его нравственными представлениями, оно должно соответствовать нравственным принципам и нормам тех политических институтов, который он представляет. Задача политической этики как этики политических институтов — разрабатывать нравственные основания деятельности того или института в соответствии с его целями и полномочиями. В этой связи имеет смысл говорить об этике института парламентаризма, этике института президентства, этике института губернаторства и т.д. Деятельность институтов должна быть оценена, исходя из показателей национального интереса как базового. В то же время в этику института входит и долж-

ностная этика, и профессиональный этикет.

К сожалению, в комиссиях по этике политических и государственных институтов сегодня речь идет всего лишь о правилах этикета, которые малосодержательны как нормы, регулирующие деятельность политика конкретной политической структуры.

Что может быть основанием этики политических институтов? Если обратиться к международной этике, то необходимо отметить, что эффективность международной этики обеспечивается международным правом: нравственно то, что не противоречит законам международного права. Этика политических институтов должна, как и международная этика, опираться на нормативно-правовую базу, что обеспечит ее требованиям устойчивый характер безличностного должностования, обращенного ко всем, кто представляет или будет представлять тот или иной политический институт.

Политическая этика призвана снять конфликтное противостояние между политической наукой, рассматривающей политику как область, где реализуются интересы государств, классов, партий, групп, партийных деятелей, и этикой, представляющей нравственные ценности как основание и цель политической деятельности. Если считать политику «игрой интересов», «игрой эгоизмов», где нет места морали, то утрачивается смысл политики и ее общественных функций, регулирующих жизнедеятельность государства. Но если не учитывать особый характер политики, то попытки привнести нравственные ценности в политические взаимоотношения также потерпят полный провал. Моральное и политическое находятся в состоянии диалектического взаимодействия и противостояния.

Не менее важным аспектом политической этики являются проблемы нравственной оценки легитимного наказания и сопротивления власти. Легитимное наказание консолидирует общество, создает ощущение справедливости власти. Но история полна драматических моментов, когда власть превышает свои полномочия. Необоснованное превышение властью законных полномочий является нарушением установленной

¹ <http://www.levada.ru/category/tegi/partii>

² <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113991>

договоренности и рассматривается обществом как произвол, дающий право на сопротивление. Право на сопротивление в этическом смысле является правом, которое полагается выше любого государственного законодательства и позволяет противостоять несправедливым действиям государственной власти.

Современная политическая практика актуализирует необходимость дальнейшего развития таких направлений политической этики, как этика легитимного насилия и этика сопротивления и гражданского неповиновения, основные направления которых мы рассмотрим в следующей статье.

Литература

Дюркгейм Э. 1990. *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М.: Наука, 575 с.

Капустин Б. 2004. *Моральный выбор в политике*. М.: Изд-во МГУ, 496 с.

Политическая и экономическая этика: учебное пособие (пер. с англ. С. Курбатова). 2001. М.: Гранд; ФАИР-ПРЕСС, 368 с.

Nash J. 1951. Non-cooperative Games. — *Annals of Mathematics*, No 54. P. 286–295.

УДК 32

МАЛЬЦЕВА Анжела Петровна –

д. филос. н., профессор; заведующий кафедрой социальных дисциплин Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова

432700, Россия, г. Ульяновск пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, 4. maltseva99@mail.ru

ПОЛНОЦЕННОЕ ДОВЕРИЕ: ПОНЯТИЕ, ПРОБЛЕМА, МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ

THE FULL-FLEDGED TRUST: A CONCEPT, A PROBLEM AND A METHODOLOGY OF FORMATION

В статье предлагается новое, рационально-моральное основание типологизации доверия (доверие опрометчивое и разумное, доверие спонтанное и произвольное), указывается на существование в современном обществе проблемы социального доверия, предлагается оригинальная методика обучения полноценному рационально-моральному доверию. По мнению автора, такое доверие предполагает:

1) «понимающее уважение»: доверяя, мы должны понимать и принимать «другого» таким, каков он есть на самом деле; 2) «самоопустошение»: понимание и принятие другого, означающее готовность забыть о себе; 3) «смелость доверия»: оказание доверия всегда связано с риском, который можно свести к минимуму.

Автор доказывает, что разрушение спонтанного доверия в наши дни может быть компенсировано обучением рациональному доверию, обладающему позитивной формирующей силой. В конце статьи вводится понятие полноценного доверия.

Ключевые слова: социальное доверие, социальный капитал, полноценное доверие, методика формирования рационального доверия, рациональное доверие, легкомысленное доверие, спонтанное доверие, проблема социального доверия, современное общество

The author offers a new (rational and moral) basis of typologization of the trust (the thoughtless and reasonable trust, the spontaneous and voluntary trust), studying the place of a problem of a social trust in the modern society. The author offers an original technique of training in the full rational trust. A process of a trust includes: (1) the understanding respect: we have to understand and to accept the other one in such a way as he or she actually is, (2) the self-devastation: understanding and acceptance of the other one assumes the readiness to forget about itself, (3) the courage in trust: rendering the trust to somebody is always connected with a lot of risk, which can be minimized.

The author proves that the destruction of spontaneous trust in our days can be compensated by training